

ровать, это будет уже не мое творчество.

Зависеть от покупателей, от рынка – это не мое. (Вспомнилось гордое пушкинское: «Зависеть от царя, зависеть от народа – не все ли нам равно?», – авт.). Поэтому, работая над картиной, руководствуюсь исключительно интуицией, – продолжает Семен. – То, о чем вы говорите, – прорисовка травы, всяких «мелочей», приносит радость в мою работу художника. Впрочем, точную культуру с ее вниманием к каждому стебельку я и правда люблю.

У вьетнамцев, например, распространены мелкая прорисовка, детализация на шелке. В памяти живут поездки во Вьетнам, в Таиланд, восхищает подход к творчеству в этих странах. Встречал там картины из шелка, над которыми авторы работали по пять-семь лет! Какие скрупулезность и точность, какое вложение энергии и души! На мой взгляд, это бесценно, когда художник уходит в творческий процесс, забывая обо всем.

А зритель всегда оценит по достоинству работу над, казалось бы, мелкими, незначительными деталями. Еще меня восхитили в свое время миниатюры Третьяковской галереи, каждая размерами не больше чем пять на пять сантиметров. Они казались оконцами в мир былого. Четкость – хоть под микроскопом

«Туман»

«Книги»

рассматривай. Различима каждая черточка лиц у дам в шляпках, детали улиц. Я удивлялся такому совершенству мастеров. Казалось, что они словно подсвечены, дышат и живут.

– Кто еще был вашими педагогами на факультете?

– Ветеран худграфа Борис Чиликин, ушедший из жизни полтора года назад, за меня болел душой, но был строг. В то же время я понимал, что мои успехи и неудачи ему не безразличны, оттого и спрашивал с меня столь ревностно. Запомнился и этап подготовки у заслуженного художника России Виктора Жилина. Оба – замечательные люди. Дипломная работа у меня была в форме рисунка. И Борис Александрович, когда ему на защите предоставили слово, сказал: «Я очень жалею, что он прекрасный живописец, а занимается ерундой – рисунком». Его

слова меня зацепили, и вскоре я начал писать маслом. После института выставлялся четырежды: две персональные экспозиции и две групповые, не считая нынешней. Лет семь подряд я безостановочно писал и сделал вывод: когда занимаешься любимым делом, кроме творчества, то не живешь по-настоящему! Если у человека есть задатки художественного видения мира, он должен их воплощать, высвобождать свою энергию.

– Весьма необычен сюжет, где ночью у костра сошлись два добрых молодца и волк. Наверное, вас уже замучили вопросами: что это означает?

– Это автопортрет с братом, созданный по нашей общей задумке. Кстати, в период работы над полотном у меня жил настоящий волчонок! Картина не предназначена для продажи, для меня было важно запечатлеть тот период жизни.

Часто смотрю на ту или иную свою работу и погружаюсь во время, когда она создавалась. На мой взгляд, для творческого человека унизительно писать то, что не нравится самому, зато будет куплено. Мой организм максимально противится работе, если нет вдохновения! Каждая из моих картин рождается тогда, когда зародилось что-то в душе.

Было время, когда я долго не писал, а просто думал, высматривал, вспоминал, что же меня вдохновляет? Вот картина с цветущими маками. Моя мама очень любила эти цветы. Я вспомнил о них, и решил как бы для нее переделать свою старую работу, которую отложил, мне она не очень нравилась. Дорисовывал маки. И все стало по-другому! Должна непременно прийти мысль, которая вдохновляет. Художнику полезно летать в своих мыслях!

Павел РЫЖКОВ

«Огонь»